

О.А. Туфанова
РИФМОВАННЫЕ ДВОЕСТРОЧИЯ О ПЬЯНСТВЕ
КАК СТИХОТВОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Аннотация: На протяжении всего периода развития древнерусской литературы теме пьянства было посвящено много как самостоятельных произведений, так и отдельных фрагментов в составе памятников. В статье анализируются два стихотворных текста XVII столетия о пьянстве с точки зрения индуктивной исторической поэтики с целью выявить ведущие суггестивные приемы и их возможные источники. «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде», входящее в состав «Послания к некоему», отличает наличие характерных для жанра проповеди суггестивных риторических приемов и композиционных особенностей. В частности, это — многократный повтор, семантический параллелизм, апелляция к авторитету, кольцевая композиция. Однако, в отличие от классической проповеди, грозная назидательность, задаваемая первыми строками о лютости и губительности пьянства и блуда, растворяется в легкости стихотворных двустушии. В финале текста автор отказывается от типичного для учительной литературы Древней Руси «воинствующего» дидактизма, но репрезентативные приемы речевого воздействия и «пунктирные» стилистические совпадения, обнаруженные в стихотворном памятнике и в «Слове о многопогибельном и коварном пьянстве» Антония Подольского, позволяют все-таки предположить, что в случае со «Словом 5-м. О пьянстве и о блуде» мы имеем дело все-таки с проповедью — но написанной в стихах. В виршах «О безмерном питии и о безмерном запойстве двоестрочием простообразно счинено», в отличие от «Слова 5-го», доминирует прием апелляции к авторитетным источникам: от Библии, художественных текстов до духовных стихов и памятников дидактического красноречия. Особый интерес представляют тематические переключки виршей со «Словом о пьянстве» святителя Димитрия Ростовского (Туптало). В целом, рассмотренные памятники «О безмерном питии...» и «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде» представляют собой интересный в литературном отношении феномен. Творческое преобразование типичных для прозаической учительной литературы Древней Руси приемов речевого воздействия превратили рифмованные двустушии — с точки зрения содержания — в своеобразную поэтическую концентрацию рассыпанных на протяжении столетий в текстах о пьяницах и пьянстве важнейших нравственных максим и ярких художественных находок, а с точки зрения формы — в уникальную стихотворную проповедь.

Ключевые слова: рифмованные двустушия, пьянство, проповедь, суггестивные риторические приемы, тематические переключки.

Olga A. Tufanova
RHYMED COUPLETS ON DRUNKENNESS
AS A POETRY SERMON

Abstract: Throughout the entire period of the development of Old Russian literature, the topic of drunkenness was devoted to many both independent works and separate fragments as part of literary monuments. The article analyzes two poetic texts of the 17th century about drunkenness from the point of view of inductive historical poetics in order to identify the leading suggestive devices and possible sources. *Fifth Word. On Drunkenness and Fornication*, which is a part of *Letter to a Certain*, is distinguished by the presence of suggestive rhetorical devices and compositional features characteristic of sermon genre. In particular, this is multiple repetition, semantic parallelism, appeal to authority, ring composition. However, unlike the classical sermon, the formidable edification, given by the first lines about ferocity and destructiveness of drunkenness and fornication, dissolves in the lightness of poetic couplets. At the end of the text, author renounces the “militant” didacticism typical of the educational literature of Old Russia, but the representative methods of speech influence and the “dotted” stylistic coincidences found in the poetic monument and in Antony Podolsky’s *Tale of Much-Deadly and Insidious Drinking* allow to suggest that in case of *Fifth Word. On Drunkenness and Fornication* we are still dealing with a sermon, but written in verse. In the verses *On Immeasurable Drinking and Immeasurable Drinking, the Double Line Is Simply Written in Two Lines*, in contrast to the *Fifth Word*, the method of appeal to authoritative sources dominates: from the Bible, literary texts to spiritual verses and monuments of didactic eloquence. Of particular interest are the thematic echoes of the verses with the *Word on Drunkenness* by St. Demetrius of Rostov (Tuptalo). In general, the reviewed monuments *On the Immeasurable Drinking ...* and *Fifth Word. On Drunkenness and Fornication* is an interesting literary phenomenon. The creative transformation of speech methods influence, typical for the prosaic educational literature of Old Russia, turned rhymed couplets, from the point of view of content, into a kind of poetic concentration of the most important moral maxims and striking artistic finds scattered over the centuries in texts about drunkards and drunkenness, and from the point of view of form, into unique sermon.

Keywords: rhyming couplets, drunkenness, preaching, suggestive rhetorical devices, thematic rollcalls.

На протяжении всего периода развития древнерусской литературы теме пьянства было посвящено много как самостоятельных произведений, так и отдельных фрагментов в составе памятников. В.П. Адрианова-Перетц в работе «“Праздник кабацких ярыжек”. Пародия-сатира второй половины XVII века» писала о том, что пьянство — «это тема, с которой мы встречаемся в самых разнообразных жанрах древнерусской литературы, начиная с XI по XVIII в. включительно: слова и поучения, летопись, повесть, притчи, вирши, пародии — с разных точек зрения, но всегда с осуждением изображают это, укоренившееся в русский быт, явление» [1, с. 175–176]. Обусловлено это было не только христианской идеологией, с ее осуждением «пьянства как греха» [1, с. 176], но и общественно-экономическими причинами, которые подробно исследовали многие ученые, в частности, В.П. Адрианова-Перетц [1], И.Г. Прыжов [16], И.В. Курукин, Е.А. Никулина [11] и др.

«Послание к некоему»:

«Слово 5-е. О пьянстве и о блуде»

Одно из ярких произведений, призывающих читателя отказаться от употребления хмельных напитков, входит в состав стихотворного «Послания к некоему» («около 630 стихов»), которое находится в рукописи собр. Ундольского, № 5267» [24, с. 91]. Основываясь на том, что памятник был размещен в сборнике сразу после слов Антония Подольского, В.М. Ундольский, А.Н. Попов, А.И. Соболевский атрибутировали данный текст ему. А.М. Панченко, отмечая «шаткость» подобного основания, писал о том, что «мы имеем дело с произвольной догадкой, хотя пренебрегать ею», по мнению исследователя, «не следует», поскольку «по версификации и стилю “Послание к некоему” напоминает “двоестрочные согласия” Ивана Наседки, а П. (Антоний Подольский. — О.Т.) был в тесных, хотя и неприязненных, литературных отношениях с этим справщиком и ключарем Успенского собора» [24, с. 91].

«Послание к некоему» в полной редакции по спискам XVII столетия [21, с. 397–398] состоит из пяти слов: «Слово 1-е. О человеческом нраве», «Слово 2-е. О прелестнем сем и видимом нами свете», «Слово 3-е. О человеческой плоти», «Слово 4-е. О чести родителей своих», «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде» (ОР РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ун-

дольского. № 526. Л. 17–42 об.; Ф. 299. Собр. Н.С. Тихонравова. № 249. Л. 217–235).

Обратимся к «Слову 5-му. О пьянстве и о блуде» (далее — «Слово»), написанному рифмованными двустушиями¹. Главный суггестивный посыл всего текста задается самой первой фразой: «Люто убо есть, воистинну люто, пьянство...» [21, с. 53]. При помощи повтора отрицательного оценочного эпитета «люто», получающего обоснование в следующих строках, автор внушает читателям вполне определенное отношение к употреблению хмельных напитков:

Люто убо есть, воистинну люто, пьянство,
понеже погубляет душевное богатство,
пьянству держащихся умъ и мысли помрачает
и душевнаго богатства горé к богу не возвышает.
[21, с. 53]

В первых двустушиях задаются ведущие в обрамлении «Слова» оценочные мотивы погибельного помрачения ума, который отчетливо проявляется через многократные повторы, и зла, творимого пьющим человеком:

...и самого того безплотнаго ума нашего помрачает
и на всякое злое дело поощряет...
[21, с. 54]

Вся злая и нелепая от него совершаются,
а пьяный человек аки во тме шатается
и вне ума своего бывает,
а естественнаго своего ума не отбывает, —
ходит умом своим яко тмою помрачен.
[21, с. 54]

Для усиления эмоционального воздействия в целом весьма абстрактных аргументов в памятнике используется прием семантического параллелизма:

¹ Анализ первых четырех слов не входит в задачи настоящего исследования.

Море без рук и без ног убивает,
також и пьянство, не имея некоторых удов, всякого
человека погубляет...
[21, с. 54]

Согласно Ю.М. Лотману, «параллелизм представляет собой двучлен, где одна его часть познается через вторую, которая выступает в отношении первой как аналог: она не тождественна ей, но и не отделена от нее, находится в состоянии аналогии — имеет общие черты...» [13, с. 90]. Именно такое «сопоставление по признаку действия», на которое обращал внимание ранее А.Н. Веселовский [3, с. 125], наблюдается во вступительной части стихотворного «Слова». Здесь проводится аналогия между способностями моря и пьянства без какой-либо материализации в виде физического воздействия рук и ног погубить человека. Море выступает аналогом пьянства, и последнее «моделируется по аналогии» [13, с. 90] с первым.

Любопытно, что «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде» обнаруживает неявное, но все же сходство со «Словом о многопогибельном и коварном пьянстве», составленным Антонием Подольским. Поучение московского полемиста конца XVI — первой трети XVII в. открывается не менее ярким, чем в стихотворном тексте, вступлением, в котором так же «безплотный ум» омрачается пьянством и так же используется, правда, не единожды, прием семантического параллелизма: «Срам есть царю во еже убожествомъ по нужди страдати: сице же и горнему нашему безплотному уму самовольне телесными омрачатися и мысленныя светлости чужду быти. И якоже мракъ противеньъ есть солнцу, сице же и душевному свету мысленное омрачение, еже бываетъ от любопищнаго и пьянственнаго пребывания. И якоже въ мечтание zde тленное богатство и слава, сице же и тленное сие омрачительное уму пьянственное веселие. И паки вода, егда со берниемъ и каломъ смешаема, мутна и нечиста бываетъ, сице же и легчайший нашъ умъ, егда плотными омрачеши паче же пьянствомъ одолеваемъ, нечистъ и дебель случается» [19, с. 296].

Вступления в «Слове 5-м» и в «Слове о многопогибельном и коварном пьянстве», безусловно, не тождественны, но принципы сопоставления, как и отдельные выражения, оказываются весьма схожи, и это позволяет предположить, что стихотворный текст строится по

тем же самым риторическим законам, что и многие оригинальные и переводные поучения в литературе Древней Руси.

Так, например, в «Слове о лечащихся волхвованием...», входящем в состав «Измарагда» XVII столетия, используется кольцевая композиция, с целью внушить слушателю и/или читателю мысль о том, что все болезни и беды необходимо смиренно терпеть, благодаря Бога, ибо в них — спасение души. Проповедь открывается размышлениями о том, что «скорбная имения лишения или болезни», «недугъ лютъ» — это муки, которые «ослабу намъ творить» [27, л. 11 об.]. И многие, «нудяще», т. е. вынужденно, измаявшись, обращаются к чародеям и волхвам, «ты же о бозе уповай и терпи, се ти мучения венець приносить и избавление от оныхъ мукъ, иже в болезни слежаще благодарити бога, чего бо ради христиане ся зовемъ да повинимся христу...» [27, л. 11 об.]. Эта же мысль повторяется и в финале памятника, но уже в безапелляционном послы: «О человеце, аще благодаря бога болезни терпиши или иныя лютыя беды, то с мученики венчанъ будеши в день онъ, они бо муки претерпели, а ты болезни и беды благодарне стерпи, о христе иисусе госпode нашем» [27, л. 13–13 об.]².

Кольцевая композиция отличает и стихотворное «Слово» о пьянстве. В конце памятника автор возвращается к исходным мотивам и эпитетам, используя тот же принцип — «тезис – обоснование», что и в начале текста:

Недостойне, зло бо есть, зло таковое прелютое дело,
понеже погубляет ум и самую душу, и тело.
Неложно есть, воистину — второе пьянство,
повреждает бо наше душевное богатство,
исходатайствует бо нам вечное мучение...

[21, с. 56]

Аналогично в конце «Слова о многопогубительном и коварном пьянстве» Антоний Подольский декларирует идею губительности «злого» пьянства для тела и души: «И сего ради яко отъ некоего зла-

² Подробнее о суггестивных риторических приемах в словах против волхвования см. в моей статье: [18].

го душевного и телесного губителя, невоздержания ради нашего и слабости, вина и сикера подобает воздержаться...» [19, с. 298]. Здесь же звучит и еще одна мысль, сближающая поучение и стихотворное «Слово».

Невоздержанность как причина и как следствие пьянства, о которых говорится в «Слове о многопогибельном и коварном пьянстве», упоминается и в стихотворном тексте:

А вся таковая творятся нашим невоздержанием
И общего врага нашего и борителя запинанием.
Той бо никому от нас не хочет добра.
А удержание от греха пьянства — паче всякого сребра.
[21, с. 54]

Еще одна неявно выраженная переключка стихотворного «Слова» и поучительного «Слова о многопогибельном и коварном пьянстве» — это лаконичная ремарка о том, что именно пьянство становится причиной блуда. Так, в поучении Антоний Подольский, будучи «блестящим ритором», по меткому выражению А.М. Панченко, в одной фразе использовал, по подсчету исследователя, «56 (!) уподоблений пьянства» [24, с. 93]. Среди этих риторических фигур и встречается интересное нас выражение — «блуду чрезъестественный питатель» [19, с. 297]. В стихотворном «Слове» грех невоздержания от пьянства, под влиянием которого человек становится «нечувственна и безстрашна», напрямую связывается с блудом и грехом прелюбодеяния. Пьянство, помрачая ум, ввергает человека во тьму и «на всякое злое дело поощряет» [21, с. 54], в том числе разжигает и преступные любовные страсти:

И паки не прелщайся чюжимъ взоромъ,
и да не пребудеши посреде аггелским и человеческим
позором,
яко от взора, по реченному, похоть раждается,
потом человек в дело привмещается.
[21, с. 54]

Закрепляя в сознании читателей мысль о греховности преступной страсти, автор стихотворного «Слова» прибегает к излюб-

ленному древнерусскими проповедниками приему апелляции к авторитету. Он цитирует Соборное послание апостола Иакова (1: 14–15³):

Яко же глаголет божественный апостол: похоть
заченшаяся, рождает грех,
а грех, заченийый, сотворяет бесом смех;
потом исходатайствует смерть,
понеже всем нам предлежит таковая сердечная сеть.
[21, с. 54]

Этот же прием используется и во второй части стихотворного «Слова», где автор, также в традициях древнерусских поучений, убеждает читателей в необходимости соблюдать библейские заповеди, апеллируя к авторитету апостола Павла, пророков Аввакума и Даниила, царя Давида, святых отцов⁴.

И, подобно другим проповедникам, призывающим неукоснительно вести высоконравственный образ жизни, автор стихотворного «Слова» неоднократно обрисовывает перспективы грешного и праведного образа жизни. В традициях учительной литературы в «Слове» неоднократно звучит мысль о том, что пьянство и блуд, творимые «общаго врага нашего и борителя запинанием» [21, с. 54], лишают человека возможности приобщиться к Божиим святыням и ведут к гибели души и тела, а в конечном итоге к адским мучениям:

Тако ж на долго время тела Христова причащатся
возбраняют
и тако святыни божия лишают,
душу же и тело погубляют
и во ад низпосылают.

³ Искушается всякий, когда собственная его похоть прельщает и обольщает его. Зачав, похоть рождает грех, а грех, войдя в силу, приводит к смерти.

⁴ Об атрибуции использованных в стихотворном «Слове» цитат см. подробнее: [21, с. 400].

<...>

Запалит ли тя аще таковое зжение,
вспомяни во уме своемъ вечное мучение.

[21, с. 55]

Традиционен в «Слове» и призыв иметь страх Божий в душе, помня о смертном часе и грядущем Суде:

Паки той же великий вселенский учитель Павел апостол
наводит

и тем всех нас в страх божий приводит, —
яко блудником и прелюбодеем судит бог.

И тако, блюдися — да не вознесется на тя таковый
фиалный рог.
[21, с. 55]

Завершается стихотворное «Слово», как и многие древнерусские поучения, призывом. Но он имеет другой характер, нежели начальные или финальные призывы в классических проповедях. Как правило, в древнерусских поучениях и словах, направленных против того или иного греха, используется «открытый» призыв⁵, оформляющийся как вербальный императив (например, в «Слове Григория Богослова о пьянстве ко всем крестьяном» («Приидете вси мужи и жены купе...»), ф. 304/I, № 204, XVI в., л. 167–170: «останитесь братие ока[я]ннаго пияньства» [26, л. 169 об.]; или в «Слове святых отецъ о волхвовании» («Измарагд», XVI в.): «...да блюдитесь братия моя любимая проклятого волхвования, да не преже в[р]емяни умерше, и по смерти муку вечную приимете» [28, л. 161]). Используемый в начале или в конце поучения или слова, он представляет собой, по сути, «категоричный» директивный речевой акт, который, выражая волю проповедника, побуждает читателя/слушателя к действию или бездействию без учета мнения адресата/ов [10, с. 69–73]. Призыв же в стихотворном «Слове», имея целью побудить читателей «учитывать в своем повсед-

⁵ М.А. Осадчий разделяет призывы на открытые и скрытые, прямые и косвенные, выделяя в каждой подгруппе дополнительно сильные и слабые призывы. См. подробнее: [14].

невном поведении» провозглашаемые «идеалы» [2, с. 420], смягчается отсутствием противопоставления (проповедник — грешная паства), которое всегда чувствуется в призывах в классических проповедях:

Подобает нам самим себе учить,
чтоб нам такового дела не творить,
а творцу своему и создателю не грубить,
души своя и тела не губить,
А с ним бы, творцемъ нашим, во веки жити.
Глаголати же о прочем помолчим,
а всю есмы надежду на творца своего и бога возложим.
Той бо есть милостив ко всем,
воистину, аще и прогневаем его в чем,
а он всех нас ждетъ на чистое покаяние
и в вечное с ним пребывание.
Аминь.

[21, с. 56]

Смягчение вербального императива в стихотворном «Слове» происходит не только за счет употребления местоимения «нам», нивелирующего дистанцию между автором-проповедником и паствой-читателем, но и благодаря замене «воинствующего» дидактизма, диктующего однозначное поведение, на мягкое воззвание к самосовершенствованию по доброй воле.

Итак, входящее в состав «Послания к некоему» «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде» отличает наличие характерных для жанра проповеди суггестивных риторических приемов и композиционных особенностей. Очевидно, что автор «сознательно пользуется канонами» [12, с. 125] при обличении пьянства и блуда, но с точки зрения поэтической и идейной техники [15, с. 14] делает это настолько виртуозно, что в легкости стихотворных двустушии растворяется грозная назидательность, задаваемая самыми первыми строками о лютости и губительности этих грехов. Более того, финал, сближающий автора и читателей, привносит некую интимность в назидательную в целом интонацию «Слова», утверждая, правда подспудно, мысль о греховности всех людей и великом Божьем милосердии и всетерпении Господа к неразумным. Тем не менее наличие традиционных для жанра

поучения (=проповеди) приемов речевого воздействия, а также «пунктирные» стилистические совпадения, обнаруженные в стихотворном «Слове» и в «Слове о многопогибельном и коварном пьянстве», позволяют предположить, что в случае со «Словом 5-м. О пьянстве и о блуде» мы имеем дело все-таки с проповедью — но написанной в стихах.

**«О безмерном питии и о безмерном запойстве
двоестрочием простообразно счинено»**

Во второй половине XVII в. появляется ряд стихотворных текстов о пьянстве, которые сильно отличаются от рифмованных двестишты первой половины столетия. В рамках статьи обратимся только к одному из них — к виршам «О безмерном питии и о безмерном запойстве двоестрочием простообразно счинено». Но прежде необходимо сказать несколько слов.

Начиная с XIX в. в русском обществе утвердилось мнение И.Г. Прыжова (оспариваемое в последнее время, см., например: [16, с. 268–269, примеч. 23]), который в своем исследовании «История кабаков в России в связи с историей русского народа» писал: «При этом строе жизни пьянства в домосковской Руси не было, — не было его, как порока, разъедающего народный организм. Питьё составляло веселье, удовольствие, как это и видно из слов, вложенных древнерусским грамотником в уста Владимира: “Руси есть веселье пити, не можем без того быти”. Но прошли века, совершилось многое, и ту же поговорку “учёные” стали приводить в пример пьянства, без которого будто бы “не можем быти...”. Около питья братски сходилась человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и, скреплённая весельем и любовью, двигалась вперёд социальная жизнь народа, возникали братчины (нем. *gilden*), и питейный дом (корчма) делался центром общественной жизни известного округа» [16, с. 8–9].

В правление Ивана Грозного появляется новый тип питейного заведения — кабак, который становится своеобразным водоразделом в истории пьянства русского народа. Согласно П.В. Траверу, в существующих на сегодняшний день исследованиях называется разная дата создания первого кабака в Московском государстве — 1533 г., около 1552 г., около 1555 г., 1565 г. (см. подробнее: [17, с. 93–94]). Первое же упоминание слова «кабак» встречается в Таможенной Весе-

гонской грамоте от 4 августа 1563 г., опубликованной в «Актах, собранных археографической комиссией Академии наук» [17, с. 94].

Существенное отличие кабака от «старой» корчмы заключалось в том, что в нем можно было «только пить, а есть нельзя» [16, с. 42]. «Чудовищное появление таких питейных домов, — заключал И.Г. Прыжов, — отзывается на всей последующей истории народа» [16, с. 42]. Однако и ранее иностранцы, посещавшие Московию, неоднократно отмечали, что русские «часто напиваются допьяна» (Георгий Перкамота. «Сообщение о России, продиктованное в 1486 году в канцелярии Сфорца московским послом Георгом Перкамотой. Заметка, содержащая сведения о делах и властителе России» — цит. по: [23, с. 11]) и вообще являются «величайшими пьяницами», которые «этим похваляются, презирая непьющих» (Амброджо Контарини. «Путешествие в Персию» — цит. по: [23, с. 8]).

В XVII столетии кабак превращается уже в «место криминальное: это и арена пьяных и игорных драк, и “вотчина” их содержателей, где они чувствовали себя безнаказанными в любых деяниях (иной раз опасно было просто проезжать мимо); это и очень привлекательный объект для грабежа» [8, с. 19]. Среди множества свидетельств иностранцев о нравах в Московском государстве XVII в. особо следует выделить «Описание путешествия в Московию» Адама Олеария, в котором автор рисует ужасающую картину всесословного, всенародного пьянства. Приведу лишь один фрагмент его описания: «Порок пьянства так распространен у этого народа по всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяниц, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно» (цит. по: [25, с. 359]).

Алкогольная зависимость, поразившая как социальная и нравственная болезнь русское общество XVII столетия, превращалась в настоящее бедствие. И потому в «бунташный» век становятся чрезвычайно актуальными тексты, созданные еще в XV столетии, в частности, «Повесть о высокоумном хмелю и худоумных пьяницах» или «Повесть о хмельном питии». Многие сборники поучений включают слова о пьянстве (как переводные, так и оригинальные — см., например: [6, с. 25–29]), издревле осуждаемом в церковно-учительной литературе. В борьбу с ненавистным пороком включается и «низовая»

литература, появляются новые сатирические тексты — «Праздник кабацких ярыжек», или «Служба кабаку», «Повесть о бражнике» и др. В отдельных рукописных сборниках «высокие» тексты (проповеди и слова) соседствуют с «низкими», так, например, в рукописной книге из собрания Н.П. Румянцева (РГБ. Ф. 256. № 363) «Басня о происхождении винокурения» «открывает цикл произведений о хмеле, в состав которого входят “Повесть о высокоумном хмелю”, “Слово о ленивых и о сонливых и упиянчивых”, “Слово великого святого Иоанна Златоуста о пьянстве”» [9, с. 300]. Широкое распространение получают духовные стихи («О пьянице», «Свиток Иерусалимский»), осуждающие пьянство и пьяниц, былички, повествующие о том, как «черти, лешие, водяные, русалки и пр. подстерегают пьяного и заводят его в болото или чащобу» [29, с. 379]. Не осталась в стороне от общей тенденции идейной борьбы с пьянством и зародившаяся в XVII столетии поэзия.

Один из ярких памятников второй половины XVII столетия — вирши «О безмерном питии и о безмерном запойстве двоестрочием простообразно счинено» (далее — «О безмерном питии...») из сборника конца XVII — начала XVIII в. (Государственный архив Тверской области (ГАТО) — прежнее название: Государственный архив Калининской области (ГАКО)⁶ — ГАТО. № 697/7173. 108 л. Скоропись, без начала и конца, см. описание сборника: [5, с. 444, пункт 36]). Они были опубликованы в 1965 г. исследователем И.Ф. Голубевым [4, с. 84–88], отметившим, что в первой части (стихи 1–122) «отразилось влияние “Повести о высокоумном хмелю и худоумных пьяницах” <...> и в особенности рифмованного “Слова о пьянстве”, основанного, как известно, на “Повести о хмельном питии”», а также «Повести о премудром бражнике» [4, с. 81–82], вторая часть (стихи 134–176) имеет «сходства с духовным стихом “О пьянице”», «связанным с именем Василия Великого» [4, с. 81], и завершаются вирши прозаическим наставлением. Аналогичный текст стихотворных двустиший (с незначительными текстуальными расхождениями) читается в сборнике середины XVIII столетия из собрания рукописных книг И.Д. Беляева (ОР РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева. № 51. Л. 54 об. – 61).

⁶ 17 июля 1990 г. Калининская область указом Президиума Верховного Совета РСФСР была переименована в Тверскую область.

В первой части виршей «О безмерном питии...», как справедливо писал И.Ф. Голубев, осуждается именно «безмерное» употребление вина, оно-то и превращает человека в пьяницу:

Егда человек безвременно и безмерно вина
испивает,
тогда он все свое домовное радение забывает.
Поистинне в безмерном питии создателя своего
люди не поминают,
и себе пьяницы за безгрешных быти вменяют.
[4, с. 84–85]

Неизвестный автор этих стихотворных двустиший в первой части поднимает, по сути, традиционную для древнерусской литературы тему разделения умеренного употребления алкоголя и «безмерного» пьянства, берущую начало еще в Священном Писании.

В корпусе библейских книг содержатся прямо противоположные характеристики и оценки вина и людей, пьющих его. Согласно Ветхому Завету, вино может служить символом благословения — так, Исаак благословляет сына Иакова словами «да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина» (Быт. 27: 28); быть средством от огорчения: «Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании» (Прит. 31: 6–7); в Книге Экклезиаста говорится о том, что хлеб и вино надо принимать с радостью: «...иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим» (Еккл. 9: 7); в Псалме 103 о сотворении мира, подчеркивая величие дел Господа, псалмопевец Давид отмечает: «Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу, и вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блистает лицо его, и хлеб, который укрепляет сердце человека» (Пс. 103: 14–15); и т. д. Согласно Новому Завету, Иисус Христос претворил воду в вино (Ин. 2: 1–11; Мф. 26: 29), а апостол Павел в Первом послании к Тимофею рекомендовал своему ученику: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5: 23).

Вместе с тем гораздо чаще в Библии встречаются советы воздерживаться от питья: «...он должен воздержаться от вина и крепкого напитка, и не должен употреблять ни уксусу из вина, ни уксусу из напитка, и ничего приготовленного из винограда не должен пить, и не должен есть ни сырых, ни сушеных виноградных ягод» (Числ. 6: 3; ср.: Втор. 29: 6; Прит. 31: 4–5; и др.). Неприемлемо состояние опьянения: «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Еф. 5: 18), чрезмерное употребление алкоголя неизменно осуждается: «Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище» (Прит. 23: 20–21).

Двойственное отношение к вину и питию, восходящее к Священному Писанию, довольно рано нашло отражение в древнерусской словесности. Так, уже в «Поучении» Луки Жидяты содержится сходное с корпусом библейских книг предупреждение: «...ни пии без года но сдоволь, а не до пьянства...» («Поучение» Луки Жидяты, Строевский список Младшей редакции НІВЛ. РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 2035. Л. 67 а – 68 а (последняя четв. XV в.) — цит. по: [7, с. 171 (л. 68 а)]). Аналогичную мысль высказывал в «Поучении о казнях Божиих» Феодосий Печерский: «Ангелы же святые, пришедши, поведали св. отцам с великою скорбью, чтобы они писанием отучали христиан от пьянства, а не от питья: ибо иное дело — пьянство злое, а иное — питье умеренное, по закону, и в приличное время, и во славу Божию» [30]. И т. д.

В этом контексте совершенно иначе прочитываются стихотворные двустишия, многие из которых продолжают как библейскую, так и литературную традицию. Неизвестный автор виршей снимает вину с хмельного напитка и возлагает всю ответственность за неумеренное его употребление на человека:

Не проклято питье пити в меру,
но мы, окаянни, не имам тому веру.
Егда учнем зеленое вино пити,
тогда хотим и глаза свои закрыти.
Аще вино в меру пити,
то с него здраву быти.
А не в меру вино пити,

ино ум свой пропити
И добрые дела забыти
и тем от бога отбыти,
Души своей победу наздати,
а никакого в безмерном питии добра не видати.
[4, с. 86]

В «безмерном» питии человек добровольно предается безудержному распутству, забывая и о нравственных, и о церковных правилах поведения, и, отдаляясь от Бога, попадает в сети дьявола:

В велией скверности и во зле пребывают,
и вся домовная правила забывают.
К церковному пению не приходят,
а с сатанинских позорищ не сходят.
Песнями и кошуны веселятся,
и за то погибели в дома их вселяться.
<...>
Воистину тому злу беси их научают,
во адова жилища и в муки таких похищают.
<...>
Пияница никогда о небеснем царстве потщится,
но токмо о скверном плясании радится.
Пияница божия суда не боится,
А в скверных делех, аки в добродетели, бысть
мнится.
Пиючи вино, тако он глаголет
и всегда в души своей сице помышляет:
«Ныне мне при своем животе и попити,
а на оном свете того будет не творити».
И сими пустошными глаголы душу свою всегда
убивает
и диаволими сетми велми въсегда убивает.
<...>
Егда же он от пианѣства не отстанет,
горелного вина пити не престанет,

Тогда милость и благодать божия от него отбежит,
а диавол ему помыслы злые наложит.

[4, с. 85]

Перед нами вновь развернутый в стихотворной форме пассаж, восходящий к библейскому тексту: «Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют» (Ис. 5: 11–12). Ср. также: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5: 8). Безусловно, речь не идет о дословном воспроизведении библейского текста. Прямых цитат из Библии в тексте нет. Но автор виршей, очевидно, помимо литературной и фольклорной традиций изображения пьяниц, был хорошо знаком с ветхозаветными и новозаветными текстами, о чем он прямо говорит:

И велми писания злое запойство проклинаят
и злых пияниц от вина отстани умоляют.

[4, с. 86]

Не случайно в тексте встречаются творчески переработанные и адаптированные к своему литературному материалу известные библейские выражения, используемые в XVII столетии уже как устойчивые речевые формулы. Например, фраза из 9-го Псалма Давида «У врага совсем не стало оружия, и города Ты разрушил; погибла память их с ними» (Пс. 9: 7) трансформирована в виршах в бытовое замечание о грядущей судьбе пьяницы:

И память пияницы с шумом бывает,
и никак по нем добр поминок не бывает.

[4, с. 86]

Еще более «завуалированный» пример заимствования представляют собой финальные строки стихотворного двустушия:

В пьянстве ярость приходит
и блуду стенъ наводит.
Пьянством сердце разжизается
и утроба велми распаляется.
<...>
О ком в людех молва? О пьянице.
У кого сини очи? У пьяницы.
Кому сокрушения телу, кому горе? Пьянице.
Кому заутрения проспять? Пьянице.
Кому браниться, кому драться? Пьянице.
Кто в худе ризе? Пьяница.
Кто беззенотную стонною смертию умер? Пьяница.
Кто в погибели? Пьяница.
Кто безчиние делает? Пьяница.

[4, с. 88]

Этот парафраз ведет сразу к двум источникам. Вопросно-ответная форма и отчасти сами вопросы восходят, с одной стороны, к Книге Притчей Соломоновых, ср.: «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза?»⁷ У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид; глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное, и ты будешь, как спящий среди моря и как спящий на верху мачты» (Прит. 23: 29–34). С другой стороны, более близким источником заимствования, и в этом, несомненно, прав И.Ф. Голубев, является духовный стих «О пьянице», связанный с именем Василия Великого [4, с. 81], ответы и некоторые вопросы, как и сама форма, вполне вероятно, восприняты были именно из этого текста, ср.:

Кто на драке на бою пребывает
Посторонним свидетелем? — Пьяница.

⁷ Церковнослав.: Комѣ горѣ; комѣ молвѣ; комѣ сѣдове; комѣ горѣсти ѿ свѣры; комѣ сокрѣщеніѣ вотщѣ; комѣ сини Ѡчи (Прит. 23: 2).

Ложно божится, клянется? — Пьяница.
Понапрасну матерным словом сквернится-бранится? — Пьяница.
<...>
Божию вечерню играет-пляшет? — Пьяница.
Заутреню просыпает? — Пьяница.
Воскресный день обедню беседу беседует? — Пьяница.
Невымытыми руками хлеб пожирает? — Пьяница.
По грязи валяется? — Пьяница.
Обхаркался, облевался? — Пьяница.

[20, с. 187–188]

Неизвестный автор виршей «О безмерном питии...» предстает весьма начитанным и, безусловно, талантливым автором, искусно заимствующим и творчески преобразующим идеи, образы, литературные формы либо в живые картинки, либо в пространные констатирующие или поучающие максимы.

Особый интерес представляют тематические переключки виршей со «Словом о пьянстве» святителя Димитрий Ростовского (Туптало). Называя пьянство виноградом, Димитрий Ростовский последовательно далее характеризует в «Слове» его «гроздь». Автор виршей почти в точности повторяет схему развенчания поведения пьяного.

Так, «Первая гроздь желчного пьянственного винограда, — пишет Димитрий Ростовский, — заключается в помрачении ума, изменения разума и погубления памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает часто то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как безумные» [22]. Автор виршей в свою очередь, вслед за многими писавшими о пьянстве, в том числе и за святителем, отмечает: «...мудрости погибель пьянство же бывает...», «Пьяница в великом запойстве и себе не познавает...», «...ум и мысль теряться...» [4, с. 85, 87].

«Вторая гроздь» — это овладевающее пьяницей бесстыдство. Сердце пьющего человека становится «сокровенным местом многих зол» [22]. В виршах не раз отмечается, что люди, впавшие в «безмерное» питье, «во зле пребывают»:

Какое зло где ни есть учинится,
а все тои злым запойством творится.

<...>

И всякие злые дела от пьянства рождаются,
а благие дела от пьянства погубляются.

[4, с. 85]

Да и самая жизнь пьяницы характеризуется в виршах как «злая»:

Зане зле живот свой изжил,
А никакие добродетели при животе не прижил.

[4, с. 86]

Пропустив «третью гроздь» («несоблюдение тайны»), автор пунктирно наметил «четвертую» — «распаление похоти на плотское смешение» [22]: «Пьянѣство отлучит мужа от жены, а жену к чюжему мужу...» [4, с. 87], — отдав предпочтение общим замечаниям о том, что пьянство является причиной нарушения всех библейских заповедей:

Пиянѣством заповеди преступают
и от воздержных и от искусных людей отступают.
В пиянѣстве ярость приходит
и блуду стень наводит.

[4, с. 88]

«Пятая гроздь» («ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития» [22]), тоже неполноценно отраженная в виршах, сначала реализуется в области социума:

Разбои и татьбы от запойства же бывают,
Смертная убойства в том же обретется

[4, с. 85],

а затем переводится в сферу интимно-личную. Пропив все свое имущество, пьяница естественным образом начинает размышлять, как ему вернуть былое, веселое, «с плясанными и с прегудницами», житие,

и — уже без всякого рассуждения — «учнет жену свою и детей бить / чтоб ему житие свое назад возвратити» [4, с. 85–85].

Закономерным итогом такого «безмерного» и беспутного жития являются «повреждение здоровья, ослабление телесных сил, дрожание рук, боль головы, изменение глаз, бедствования желудка, стоны, недуги, преждевременная старость...» [22]. Эта «шестая гроздь» получает полноценное развитие в виршах, превращаясь в натуралистическую зарисовку с яркими портретными деталями неприглядного облика винопийцы:

Многия бо болезни от пиянства бывают,
велми вся уды с него растлевают.
Они велми загнивают,
мозги во главе истывают.
Кости сокрушаются,
жилы истончаются.
Хребет погорбляется,
ум велми погубляется.
<...>
Руце велми трясутся,
и никакие уды не вознесутся.
Нозе не ходят, очи не видят, персты не гнутся.
Скулы вжимает, тело испадает,
красота увядает, лепота поникает.
Власы седеют,
и никакие уды не владеют.
От пиянства младый стар бывает,
и никто в пиянице младости не познает.
Пиянсьтво вскоре младому старость наводит,
а младость от телеси велми отходит.

[4, с. 86–87]

Не менее художественно богато реализуется в виршах и «седьмая гроздь» («растрата имущества, погубление богатств и отсутствие прибылей» [22]). Пропив свое имущество и избив жену и детей, но так и не восстановив былое благополучие, пьяница оказывается на следующей стадии падения — просит «взаем» у людей, но безуспешно, от

срама покидает дом и жену, пускается в скитания «по далним странам» и в кабаках «наг» валяется, пока не умирает от голода («Пианъством з гладу помирают...») [4, с. 86, 88].

Результатом такого образа жизни является осуждение на Страшном суде, т. е. «лишение спасения» («восьмая гроздь») [22]:

А телесныя дела снизу отягчаваются
и прехождению мытарств зло люте душу
оманчивают,
До ада низводят
и в темныя места душу вводят.
На праведном суде осудятся
и в руце немилостивым бесом предадутся.
[4, с. 87]

О гневе Божьем («девятая гроздь») автор виршей открыто не пишет, но неоднократно упоминает о том, что «милость и благодать божия» от пьяницы «отбежит», ввергая его «в вечную муку» [4, с. 85, 87]. В конечном итоге ему грозит «погибель души» («десятая гроздь») [22], о чем также не единожды говорит автор виршей:

Телу растление, а душе пагуба бывает...
[4, с. 85]
Никако бо в целости душу не получитьи,
но токмо пагуба душе улучити.
[4, с. 86]
...пиянство нехристианъстей смерти придает,
И в вечный огнь вводит
и до ада низводит.
[4, с. 87]

Пияницам лица божия не видати,
а на райское селение зря рыдати.
[4, с. 88]

Таким образом, в виршах «О безмерном питии...» наблюдается доминирование характерного для древнерусской проповеднической литературы приема апелляции к авторитетным источникам — от Библии, художественных текстов до духовных стихов и памятников дидактического красноречия. Поэтическая трансформация корпуса сакральных, дидактических и фольклорных текстов позволяет, как и в случае со «Словом 5-м. О пьянстве и о блуде» из «Послания к некоему», предположить, что в основе стихотворного памятника лежит жанровая форма проповеди. И не случайно он завершается прозаическим наставлением, содержащим страстные, горячие слова молитвы: «Сего ради, возлюблении мои присно узны брате, молитвою по бозе и святыню бежи от пьянства аки от люта змия» [4, с. 88].

В целом, рассмотренные памятники «О безмерном питии...» и «Слово 5-е. О пьянстве и о блуде» представляют собой интересный в литературном отношении феномен. Творческое преобразование типичных для прозаической учительной литературы Древней Руси приемов речевого воздействия превратили рифмованные двустушия — с точки зрения содержания — в своеобразную поэтическую концентрацию рассыпанных на протяжении столетий в текстах о пьяницах и пьянстве важнейших нравственных максим и ярких художественных находок, а с точки зрения формы — в уникальную стихотворную проповедь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Адрианова-Перетц В.П. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1. С. 171–247.
- 2 Баранов А.Н. Речевой акт призыва в лингвистической экспертизе текста // Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 412–474.
- 3 Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
- 4 Голубев И.Ф. Вирши о смерти и пьянстве // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, Изд-во АН СССР, 1965. Т. 21: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. С. 80–88.

- 5 Голубев И.Ф. Собрание рукописных книг г. Калинина // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 440–463.
- 6 Демин А.С. Материалы по литературоведческой кодикологии (о девяти сборниках XI–XVII вв.) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 5–65. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-5-65
- 7 Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святой, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. 416 с. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. IX.)
- 8 Долгих Е.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 5/6. С. 14–63.
- 9 Каплун М.В. «Сказание о происхождении винокурения» в художественном пространстве сборника XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 294–304. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-294-304>
- 10 Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 11 Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005 (Минск). 381, [2] с.
- 12 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. 372 с.
- 13 Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1972. 271 с.
- 14 Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva> (дата обращения: 12.11.2022).
- 15 Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 280 с.
- 16 Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: ИД «Авалонъ», Издат. дом «Азбука-классика», 2009. 320 с.
- 17 Траверс П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность. 2013. № 1, март. С. 90–109.
- 18 Туфанова О.А. Обличения волхвования как бесовского наваждения в древнерусском «Измарагде» // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 19–33. DOI: 10.15826/qr.2023.1.773

Источники

- 19 Антоний Подольский. Слово о пьянстве // Красноречие Древней Руси (XI–XVII в.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов и коммент. Т.В. Чертолицкой. М.: Сов. Россия, 1987. С. 296–301.
- 20 Василий Кесарийский // Стихи духовные / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1991. С. 186–188.
- 21 Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Сов. Россия, 1989. 478 с.
- 22 Димитрий Ростовский, *свт.* Слово о пьянстве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/slovo-o-pjanstve/ (дата обращения: 13.11.2022).
- 23 Иностранцы о Древней Москве. Москва XV–XVII вв.: сб. / сост. М.М. Сухман. М.: Столица, 1991. 427 с.
- 24 Панченко А.М. Антоний Подольский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1992. [Вып. 3]: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 91–93.
- 25 Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. 496 с.
- 26 Слово Григория Богослова о пьянстве ко всем крестьяном («Приидете вси мужи и жены вкупе...» // ОР РГБ. Ф. 304.I. № 204, XVI в. Л. 167–170.
- 27 Слово святого Иоанна Златоуста о лечащихся в болезни волхвованием... / Измарагд, XVII в. // ОР РГБ. Ф. 304.I. № 202.
- 28 Слово святых отец о волхвованием / Измарагд, XVI в. // ОР РГБ. Ф. 304.I. № 204.
- 29 Топорков А.Л. Пьянство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: Переправа через воду – Сито. С. 377–382.
- 30 Феодосий Печерский. Поучение о казнях Божиих. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodosij_Pecherskij/pouchenie-o-kaznjakh-bozhiikh/ (дата обращения: 13.11.2022).

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts, V.P. “‘Prazdnik kabatskikh iaryzhek’. Parodiia-satira второй половины XVII века” [“‘Festival of Taverns.’ Parody-Satire of the Second Half of the 17th Century”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 1. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1934, pp. 171–247. (In Russian)
- 2 Baranov, A.N. “Rechevoi akt prizyva v lingvisticheskoi ekspertize teksta” [“Speech Act of Calling in the Linguistic Examination of the Text”]. *Lingvisticheskaja ekspertiza teksta: teoriia i praktika: uchebnoe posobie* [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice: Textbook. Allowance]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007, pp. 412–474. (In Russian)
- 3 Veselovskii, A.N. *Istoricheskaja poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940. 648 p. (In Russian)

- 4 Golubev, I.F. “Virshi o smerti i p'ianstve” [“Verses on Death and Drunkenness”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 21. Moscow, Leningrad, Nauka, Akademiia nauk SSSR Publ., 1965, pp. 80–88. (In Russian)
- 5 Golubev, I.F. “Sobranie rukopisnykh knig g. Kalinina” [“Collection of Handwritten Books of Kalinin”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 11. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1955, pp. 440–463. (In Russian)
- 6 Demin, A.S. “Materialy po literaturovedcheskoi kodikologii (o devyati sbornikakh XI–XVII vv.)” [“Materials on Literary Codicology (on Nine Collections of the 11th–17th Centuries)”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova, ex. ed. E.A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 5–65. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-5-65 (In Russian)
- 7 Dergacheva, I.V., Mil'kov, V.V., Mil'kova, S.V. *Luka Zhidiata: sviatitel', pisatel', myslitel'* [Luke Zhidyata: Saint, Writer, Thinker]. Moscow, Mir filosofii Publ., 2016. 416 p. (In Russian)
- 8 Dolgikh, E.V. “K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniia spirtnykh napitkov v Rossii (konets XV v. — 1936 g.)” [“On the History of Everyday Life: an Essay on the Consumption of Alcoholic Beverages in Russia (the End of the 15th century — 1936)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorii*, vol. 5/6, 2015, pp. 14–63. (In Russian)
- 9 Kaplun, M.V. “‘Skazanie o proiskhozhdenii vinokurenniia’ v khudozhestvennom prostranstve sbornika XVII v.” [“‘A Tale of the Origin of Vinesmoking’ in the Literary Space of the Seventeenth Century Collection”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 294–304. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-294-304> (In Russian)
- 10 Karasik, V.I. *Iazykovyi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russian)
- 11 Kurukin, I.V., Nikulina, E.A. “Gosudarevo kabatskoe delo”: ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii [“The Sovereign Tavern Case:” Essays on Drinking Politics and Traditions in Russia]. Moscow, AST; LIuKS Publ., 2005 (Minsk). 381, [2] p. (In Russian)
- 12 Likhachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Nauka, Leningradskoe Otdelenie Publ., 1967. 372 p. (In Russian)
- 13 Lotman, Iu.M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the Poetic Text. Structure of the Verse]. Leningrad, Prosveshchenie, Leningradskoe otdelenie Publ., 1972. 271 p. (In Russian)
- 14 Osadchii, M.A. “Sudebno-lingvisticheskaia parametrizatsiia ekstremistskogo prizyva” [“Forensic-linguistic Parametrization of Extremist Appeal”]. *Sovremennyye*

- issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, vol. 11 (19), 2012. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva> (Accessed 12 November 2022). (In Russian)
- 15 Panchenko, A.M. *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka* [Russian Poetic Culture of the 17th Century]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1973. 280 p. (In Russian)
- 16 Pryzhov, I.G. *Istoriia kabakov v Rossii v sviazi s istoriei russkogo naroda* [History of Taverns in Russia in Connection with the History of Russian People]. St. Petersburg, ID "Avalon," Izdatel'skii dom "Azbuka-klassika" Publ., 2009. 320 p. (In Russian)
- 17 Traver, P.V. "Istoriia i obraz kabaka i traktira v russkoi kul'ture" ["History and Image of a Tavern and a Tavern in Russian Culture"]. *Istoriia i sovremennost'*, no. 1, March, 2013, pp. 90–109. (In Russian)
- 18 Tufanova, O.A. "Oblicheniia volkhvovaniia kak besovskogo navazhdeniia v drevnerusskom 'Izmaragde'." ["Denunciations of Sorcery as Demonic Possession in Old Russian 'Izmaragd'."]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no. 1, 2023, pp. 19–33. DOI: 10.15826/qr.2023.1.773 (In Russian)

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: Туфанова О.А. Рифмованные двоестрочия о пьянстве как стихотворная проповедь // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горь-

кого РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 357–384.
<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-357-384>

© 2023, О.А. Туфанова

For citation: Tufanova, O.A. “Rhymed Couplets on Drunkenness as a Poetry Sermon.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 357–384. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-357-384>

© 2023, Olga A. Tufanova